

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЭТИЧЕСКАЯ ТЕМА В «МАЛОЙ ПРОЗЕ» Т. ТОЛСТОЙ

Определяющим для жанрового содержания и жанровой структуры «малой прозы» Т. Толстой чаще всего становится эссенцистический метод художественного мышления, а именно совмещение в русле единого художественного целого различных семантических уровней повествования (житейски конкретного, идейно-публицистического, пронзительно лирического, философского, документального, филологического и т. д.), в равной степени художественное, рефлексивное и аналитическое постижение предмета. Особое место в эссенстике писательницы занимает литературно-поэтическая тема — показ «творческого бытия» личности, ее духовных испытаний, рассуждения «научно-популярного» характера об особенностях отражения в творчестве писателей общественного самосознания.

Идейно-эстетическим стержнем ее эссе-«рецензий» («Русский человек на randevu», «Кот и окрестности», «Вкус ворованных яблок», «Переводные картинки» и др.) становится острый отклик участника литературного процесса (и — современника-гражданина) на злободневные проблемы переживаемой эпохи несомненного кризиса культуры и, одновременно, несомненных достижений в сфере художественных открытий, «болезненное» реагирование на отдельные факты литературного быта. В качестве обозревателя литературных событий презентуется личность духовно богатая, утонченная, осмысляющая себя в соотнесенности с культурным хронотопом прошлого и настоящего. Этот идейно и топографически крайне подвижный интеллект не скрывает свое писательское «лицо», открыто афиширует сопричастность к рассказываемому, прямо и непосредственно руководит читательским мнением, предлагая уже готовую интерпретацию и оценку литературных явлений. Выверяются они, прежде всего, с точки зрения соответствия нравственным законам и этическим константам, выработанным национальным сознанием, главными жизненными и духовными ценностями, которые человек носит в душе. Для Т. Толстой подлинно национальным художником является не тот, кто воспроизводит и прославляет идеологию своего этноса, внешние приметы его быта, но кто выражает его «душу», представляет во всей полноте его духовный потенциал. При этом Т. Толстая чужда сентиментально-морализаторским шаблонам, более того, она над ними иронизирует, комически переосмысливает официально признанные литературные и идеологические образцы, игриво-язвительно опровергает как расхожие истины, так и недавно рожденные мифы, пародийно обыгрывает автоматизацию читательских навыков рецепции художественных произведений. На всякую точку зрения на русскую и западную литературную действительность, ею не разделяемую, она набрасывает разъедающую тень трезвой ироничности, остро выявляя свои симпатии и антипатии на идеологическом, этическом и языковом уровнях. Мироззренческий аспект ее вездесущей, многоступенчатой иронии (и самоиро-

нии) состоит в нивелировании любой попытки подчинить жизнь умопостигаемой схеме, свести к некоей однозначной установке. «Абсурдизация» отдельных событий литературной жизни, деформирующая их метафоризация, когда то или иное явление, доведенное до границы, превращается в собственную противоположность, в алогизм — это особого рода «критика» конвенционально-логического или, напротив, романтического (а чаще «литературного») восприятия жизни: в кривом зеркале гротеска с его плакатной яркостью становится видно то, что остается незамеченным в зеркале «правильном».

Стремление «выговориться» о самом наболевшем, полемически заострить проблемы, связанные с ломкой идеологического декораума прошлого и созданием нового, резко повышает «градус» публицистичности. Особенно сильны обвинительные интонации, «громкое слово» при обращении к тому чуждому и враждебному для автора, что происходит в культурно-социальной среде. Так, в эссе «Квадрат» диагностируются зоны общекультурной инфляции, обмелевших отношений между творческими людьми, главную полемическую и идеологическую направленность определяет публицистический протест против уничтожения духовного содержания человеческой жизнедеятельности. Постмодернистской амбивалентности выносится однозначный приговор: «Это индульгенция, которую одни бездарь выдают другим, убеждая третьих, что так оно все и должно быть — все должно быть бессмысленным, низменным (якобы демократичным, якобы доступным), что каждый имеет право судить о каждом, что авторитетов не может быть в принципе, что иерархия ценностей непристойна (ведь все равны), что ценность искусства определяется только спросом и деньгами» [1, с. 15].

«Рассуждающие конструкции» аналитико-публицистических комментариев, претендующие на значимость серьезного исследования литературных явлений и общих вопросов психологии творчества, пронизывают собою, как тончайше разветвленная нервная система, все компоненты художественной структуры эссе-«рецензий» Т. Толстой. Но углубленная аналитичность письма не означает «лабораторной работы» холодного рассудка: «концепции» лирически одухотворяются, «разъясняются» далеко не в объективно-беспристрастной манере. Факты литературной действительности, портреты-характеры писателей воссоздаются целиком в русле самовыражения очень активной в «идеологическом» мирозерцании рефлектирующей личности, ее глубоко личных «переживаний». Как «исследователь» литературного процесса, Т. Толстая вовсе не стремится к научно-аналитической скрупулезности и последовательности его освещения. Часто видимой сюжетной связи между наблюдениями над литературным окружением, «мыслями вслух» нет, но повествование не превращается в стихийный, беспорядочно мечущийся их поток: отбираются и особым образом komponуются те из них, которые позволяют продекларировать эстетический и этический авторский идеал, соответствующий определенной творческой концепции и аксиологии.

Т. Толстая стремится не только выразить весь спектр своих представлений о современном состоянии отечественной литературы, но и дать свой вариант эпического видения мира и истории. Так, в некрологическом эссе «Памяти Бродского» внимание обращено к диалектике внутренних побуждений не просто творческой личности, но личности, помещенной в историю, затянутой в водоворот социальных коллизий. Конкретно-биографический материал, попадая в сферу авторской рефлексии, окружается таким ореолом эстетического и идеологического смысла, что в судьбе единственного в своем роде человека «утачивается» общенациональное, обнаруживаются черты, которые поднимают его образ до масштабно осмысленного социального типа. В частном, «родственном» разговоре о литераторах их судьбы вписываются в эпическую панораму путей и изломов народной жизни, в них конкретизируется ход самой истории. Такое разворачивание темы вширь, совмещение картин из лирической дали воспоминаний и из «сегодняшней» действительности, возвышенно-поэтической тональности и «приземленного» аналитизма создает поэтически обобщенный и, одновременно, пластически конкретный образ эпохи. «Силовое поле» философского дискурса создается не унифицированными приметами, укрупненными абстракциями: при всей «ситуативности» видения за малым, единичным, приватным, за пестротой эмпирической реальности просматриваются глобальные закономерности жизни, за сокровенно-индивидуальным — «вечные» стороны психики человека, за будничным — бытийное, общий порядок вещей. Одним из способов такого интеллектуального поиска становится «цитатное» мышление, постоянное соприкосновение с идеями и образами русской и мировой литературы: в «малой прозе» Т. Толстой «гостят» многие «типажи» литературной классики. Так, совершенно особая художественная материя «пространства-времени» возникает в «аллонсторическом» рассказе «Сюжет», в котором она виртуозно сопоставляет реальные исторические детали в новой комбинации: выживший после дуэли Пушкин (в решающий момент «некая рядовая, непоэтическая птичка Божия какает на длань злодея» [1, с. 331]) в старости сталкивается с юным Володей Ульяновым и судьба страны коренным образом меняется. Эпиграфы, многочисленные явные и скрытые цитаты, аллюзии и реминисценции используются для переосмысления в полемически-комическом ключе традиционной темы бессмертия поэта. Вышивая узор своей «альтернативной истории» на широко известном материале, автор прибегает к монтажу разных точек зрения. Организацию повествовательной перспективы определяют ментальные процессы: память, интуиция, сон, воображение, но, главным образом, «болезнь». Это пограничное состояние десинхронизирует движение времени, «мифологизирует» его — то, что будет в будущем, происходит в настоящем, на прошлое наслаивается вечное. «Болезнь» создает особую игровую площадку полифонии, сотканной из интертекстуальности: поток бредовых видений раненого Пушкина густо замешен на клочках знаковых произведений русской классики, «конфликтующих» культурных кодах, топосов, «общих мест», причем без явного от-

граничения «чужого» элемента от собственно-авторского: «Пушкину греются огни, стрельба, крики, Полтавский бой... Собаки рвут младенца, и мальчики кровавые в глазах. Расстрелять, — убежденно говорит он, — ибо я перестал слышать музыку, румынский оркестр и песни Грузии печальной, и мне на плечи кидается анчар, но не волк я по крови своей: и в горло я успел воткнуть и там два раза повернуть... Гул затих, я вышел на подмости...» [2, с. 333] и т. д.

«Вмурованные» в оригинальную систему мыслеобразов культурологические знаки корректируют и уточняют авторскую позицию. При этом «литературности» вовсе не отводится прикладная роль «инструмента» философии и эстетики: эссе о литературе Т. Толстой находятся на стыке лирико-психологической и социально-философской прозы, их жанровый облик определяет синтез эпических (объективно-изобразительный, «событийный» план повествования) и лирических (самоанализ) техник письма. При детализации различных сведений историко-литературного (и культурологического) характера Т. Толстая как бы стремится подтвердить достоверность «голой правды» автобиографическим материалом, причем, часто повествованию придается форма «дневниковых» авторских размышлений, как первейшей и простейшей формы запечатления личного опыта своего участия в литературном процессе. А исходной ситуацией для «дневникового» стиля является интенция исповедальности, установка на правдивость и непосредственность отражения жизненных впечатлений, воссоздание полноты бытия «я»-автопсихологического субъекта, который не скрывает свою «пытливость», пристрастность комментариев (вплоть до явной несбалансированности аналитизма и пафосности), собственное живое, как бы на глазах читателя развивающееся «отношение» к литературной действительности, к конкретным произведениям, творчеству конкретного автора, чувство душевной и сердечной близости к предмету повествования. Силовое поле лирической раздумчивости и остро-субъективной оценочности, подтверждение филологических или историософских размышлений автобиографическим материалом, «дополнение» его иными перекрещивающимися потоками информации в определенном смысле позволяет преодолеть метафизическую разорванность мира и индивидуума, противоречие между «единичностью» субъективно-личностного и «тотальностью» универсальной всеобщности социума, национально-исторического бытия.

В литературном процессе Т. Толстую прежде всего интересует степень воссоздания писателями духа времени, характера эпохи, масштабность и глубина художественной мысли, отношение к условиям бытия в их конкретно-общественном и субстанциональном проявлениях. Соединение приватного с социально-историческим, биографии творческой личности с «биографией» века позволяет ей возвыситься до уровня философско-поэтического постижения общебытийных истин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстая Т. День: личное. — М., 2001.
2. Толстая Т. Ночь: рассказы. — М., 2001.